

Уходящий год для многих куйбышевских литераторов был щедрым на урожай: десятки книг — поэтических и прозаических — вышли в местном и центральном издательствах. Но и на фоне всеобщего «плодородия» творческий успех прозаика Евгения Чернова, который еще вчера относился к разряду «молодых», выглядит впечатляюще. На самом деле: книга в Куйбышевском книжном издательстве, книга в московском издательстве и еще обширная публикация в «толстом» журнале*. Тут уж счастливым стечением обстоятельств все не объяснить.

Исподволь, из года в год накапливая силы, осторожно, чуть ли не на ощупь, ища свой путь в многоликой и разнообразной литературной жизни, не приспосабливаясь к готовым литературным штампам, работал он, стараясь по-своему ответить на актуальные вопросы жизни. И эта напряженная и упорная работа принесла свои плоды.

Впрочем, подчеркнутый «нейтралитет» прозы Евгения Чернова в жарких литературных баталиях может и озадачить. Он не «деревенщик», но и к писателям-урбанистам его не отнесешь, жизнь многих его героев показана в конфликтах производственных, но это, вне сомнения, не «производственные» рассказы и повести, так распространённые сейчас. Писатель как будто бы демонстративно берет своих героев из уличной толпы, не заботясь об их профессиональной принадлежности, возрасте, образовании, чтобы коротко, этак — в рассказах — или достаточно подробно — в повестях — проследить их жизнь. Мы встречаем среди его персонажей рабочих, колхозников, интеллигентов, пенсионеров, студентов, у каждого из которых свои радости и неприятности, свои проблемы и свое «беспорядочное», и эта пестрота лиц, картин, характеров могла бы показаться нарочитой, а потому несостоятельной, если бы всех их, все их существование не объединял один общий авторский взгляд.

Заключается он в том, что герои Е. Чернова ищут внутренней гармонии с миром, в котором живут. Ищут по-разному, иногда — мучительно и горько, спотыкаясь и ошибаясь, иногда — легкомысленно и беспечно, но все же поддаваясь безотчетному чувству собственного несовершенства и отчетливо стремлению определить свое место в жизни, причем непременно со знаком «плюс», то есть в согласии с обществом, с людьми. «Как, интересно, думают обо мне на работе» — не одиножды с тревогой думает шофер междугородного автобуса Никита. И думает не для того, чтобы приспособиться, сфальшивить, а для собственного душевного равновесия.

Было бы громко говорить о нравственных исканиях героев Е. Чернова. Но есть все основания сказать о незаметном на первый взгляд, но большом нравственном потенциале этих людей, об особом качестве духовности, которая не рядится в нарядные одежды, а проявляется естественно и просто.

Как спокойный и внимательный поводыр (не стелкер!) вводит нас писатель в круг их забот, где горюя, где иронируя, где — негодую, но всегда веря в очистительную силу доброго дела, доброго взгляда, доброго слова.

Вот один из характерных, на мой взгляд, рассказов Е. Чернова — «Маша», где простота и безыскусственность сюжета и изложения не мешают, а, может быть, способствуют рождению атмосферы сложного и богатого духовного мира героя. Лаконосно, точно обозначены здесь черты «производства» — бригады маляров, которой руководит резковатая, умудренная опытом «тетя Катя» и куда приходит корреспондент телевидения искать таланты для передачи о художественной самодеятельно-

сти. Главная героиня рассказа Маша не попадает в число артистов, но вечером, повинаясь какому-то непонятному чувству, идет в контору на просмотр...

Тут-то и вспоминает она свою не очень долгую, но и не малую жизнь. Последние, горькие годы, неудачное замужество, рождение ребенка, одиночество, которое скрашивали только подруги по бригаде. Вспоминает и другое — счастливое, радостное: детство, родной дом, школу, лыжные соревнования, где она была первой, школьные вечера, на которых она плясала «Матросский танец». Интересно жила!

Маше нужно не только вспомнить, но и почерпнуть в этом хорошем, радостном силе, энергию, чтобы вопреки всем неудачам стать той, прежней. И она идет на просмотр, и тут случается настоящая драма: она пытается танцевать, но ноги не слушаются...

«Как жалко, что она совсем забыла танец. А товарищ с телевидения спросил ее ласково и опять же с грустью: — Вы, наверное, давно не танцевали? — Давно, — вздохнула Маша, — с пятого класса. Все никак, все руки не доходят. Тут и школа, и вечерить часто остаемся... да и дома как-то вот... Хорошо хоть мать Олену взяла. А то бы совсем... — Трудно, — вздохнул товарищ с телевидения. И чтобы чем-то успокоить его, Маша сказала: В носках неудобно. У меня тогда ботинки с подковками были и белые брюки. И тельняшка была. Почему похула? — сразу криннул Колька. Все засмеялись. И Маше стало так легко, как никогда раньше».

«Не забыть танец», остаться самим собой, разобраться в себе и в окружающих — редкий герой Е. Чернова не стремится к этому. Как раз открытия на этом пути и составляют суть рассказов писателя. По-новому глядит на своих старых родителей Илларион («Две стопки чистого серебра»), получив повод задуматься над своей не очень-то состоявшейся жизнью. Сложная гамма чувств охватывает немолодого завгара Федора Павловича («День до обеда»), которого назначают на эту должность на отставное, разваливающееся предприятие, которому, прежде чем здесь «наводить порядок» приходится «привести в порядок себя», заглянуть в святая святых своей души. Это высоко нравственная логика рабочего человека, коммуниста, который требователен прежде к себе. Вот какой разговор происходит у Федора Павловича с работником райкома партии:

— Чего это друг меня? Не-ет, руководителя из меня не получится. Характер не тот. Тем более там, где вы говорите. Там лудовый кулак нужен и луженая глотка.

— Хм, деловое. Если бы все было в глотке. Впрочем, и ты кринкнешь, коль будет надо. Сознаться, были моменты, когда приходилось кричать? — Нет, не было.

— Ну, как не было. Ты вспомни-ка... В мирной жизни, допустим, нет, а на фронте? Ты же был старшиной.

— И на фронте не приходилось.

— Что, выходит, молча воевал?

— Молча.

Рассказы Е. Чернова, как правило, не имеют счастливого, благополучного конца, и на этот раз мы оставляем Федора Павловича в состоянии острого конфликта с шоферами, но весь ход событий, само существование понятого нами характера рождает уверенность в скором и, главное, правильном исходе этого конфликта.

Большинство рассказов Е. Чернова по сюжету очень просты, с его героями не происходят какие-то удивительные истории: жизнь их интересна не внешними обстоятельствами, а тем исключительным состоянием духа, в какой-то момент нам их представляет писатель. Исключительный — не по глобальным проблемам бытия, а по таким обычным, но типиче-

ским черточкам, из которых и состоит в конечном счете человеческая личность.

Вообще, имея пристрастие к художественной детали, Е. Чернов умело использует этот прием в передаче внутреннего состояния человека: в лучших его вещах проза не имеет пустот и «рыхлых пород» — все здесь существенно и значимо, и эта гармония, «заполненность» по сути дела компенсирует простоту, а то и полное отсутствие сюжета.

Есть в рассказах Е. Чернова еще одна особенность, о которой стоит сказать, поскольку с ней связаны и сильные, и слабые черты письма писателя. Как будто бы в любом рассказе события излагаются с точки зрения самого героя. Но нет, без видимых поворотов и усилии, иногда незаметно, а чаще — ясно и внятно в ткань повествования вливается и голос автора, который, если и не оценивает, то достаточно определенно оттеняет про-

же фигура неординарная. Иван Филиппович в отставке, Болотнянский — на коне. Более того, он приглашает своего поверженного недруга к себе в заместители...

Тут есть о чем задуматься и Ивану Филипповичу, и читателю. Стало быть, за Болотнянским завтрашний день, он — настоящий руководитель?

Писатель ведет повествование неторопливо и с подчеркнутой объективностью. Но каким-то внутренним ухом за этой обстоятельностью и спокойствием слышишь злую иронию и тревогу. И все больше наши симпатии на стороне Ивана Филипповича, и уж совсем не случайной кажется нам реплика секретаря горкома партии, убеждающего Ивана Филипповича пойти работать к Болотнянскому:

— Но понимаешь ли, Иван Филиппович, когда речь идет о цементном заводе, тянет каким-то сырым сквозняком...

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ

О прозе куйбышевского писателя Е. Чернова

исходящее. События как бы рассматриваются еще с одной стороны, повествование приобретает многомерность, объемность и — идейную определенность.

Особенно хорошо это видно в рассказе «Частная жизнь инженера Миши», где о молодом литераторе повествуется и с легкой усмешкой, и с сочувствием, а, главное, с тем великим сопереживанием и заинтересованностью, которые делают частный случай явлением.

Но всегда ли «судейство» автора на высоте самим им выбранных условий? Увы, не всегда. И особенно это ясно в повестях, когда нет возможности многозначительно «рубить концы» и когда требуется терпеливое обоснование того, что происходит.

Остановлюсь на двух, наиболее характерных, на мой взгляд, произведениях: «Яблони в цвету», которое считаю зрелым, художественно осмысленным произведением, и «Тупик Никиты Григорьевича», которое, на мой взгляд, при несомненных достоинствах имеет немало изъянов.

Что происходит в повести «Яблони в цвету»? Директора деревообрабатывающего комбината Ивана Филипповича сняли с работы. Это бывает в наш просвещенный век, когда от директоров, порой, требуют того, чего нельзя требовать и от богов. А этот и не бог вовсе, а просто немолодой, опытный, житейски умудренный человек, который без особенных рефлексий принял свое отстранение, но остается верен своему «стержню», тем принципам, которые исповедовал всю жизнь: главное — человек должен хорошо делать свое дело.

И Иван Филиппович мучительно вспоминает свою жизнь, работу, отношения с людьми, которыми руководил. И в нем рядом с обидой зреет, пробиваясь через естественное раздражение оставшегося не у дел человека, недовольство собой. Шаг за шагом анализирует он свои поступки и дела, склонный скорее считать себя правым, чем виноватым, но за этими размышлениями как раз и обнажается цельный, крепкий и самобытный характер.

Тема «самостоятельности» человека, так характерная для прозы Е. Чернова, убедительно раскрывается в этом образе. Директор соседнего цементного комбината, преуспевающий Болотнянский, к которому Иван Филиппович питает давнюю неприязнь, — тоже «самостоятельный» человек. Ловчила, окруживший себя подобными ему помощниками, человек без твердых принципов, руководитель «волевого» плана, обладающий тем не менее хорошими организаторскими способностями, за что, собственно, ему и прощаются его барство и махинации — это то-

Нет, не за Болотнянским завтрашний день.

Несомненный интерес читателей вызовет и другая повесть Е. Чернова «Тупик Никиты Григорьевича». Здесь уже само заглавие и открытую декларацию авторскую позицию: человек, посвятивший жизнь эгоистическим устремлениям, неизбежно обречен на крах. И здесь, как это обычно бывает в прозе Е. Чернова, сюжет крайне незамысловат: шофер междугородного автобуса Никита разводится с женой, которая вдруг взбунтовалась против «подсобной» роли в доме.

Нет, это меньше всего повесть о холостяцкой жизни, и Никита совсем не тот отрицательный герой, к которым мы привыкли в литературе. Это серьезный, непьющий сорокалетний мужчина, обстоятельно думающий о жизни (вернее о своей жизни), добросовестно относящийся к работе, способный на самоанализ и даже на самокритику.

Художественное открытие писателя (а я думаю, что оно есть в этом образе) заключается в том, что перед нами герой, вполне владеющий «инструментарием» духовной жизни, будучи сам духовно ограниченным и бездеятельным. Его рассуждения о жизни, о мире, о людях (прежде всего, о женщинах, которые входят в его судьбу и которых он старается понять) напоминают тот случай, когда человек садится за рояль и играет, не имея ни таланта, ни слуха.

Никита отличается от такого пианиста только тем, что не может понять свою истинную беду. Короче, есть трагедия незнания, но еще хуже — трагедия самоуверенности...

Столь сложные обстоятельства духовной или, лучше сказать, «псевдодуховной» жизни героя поставили перед писателем многие проблемы. Не со всеми, на мой взгляд, он справился. Несомненно, в повести охвачен значительный пласт «личной» жизни человека, но рассмотрен он со слишком узких позиций: голос других персонажей повести мы почти не слышим, а мало меняющийся голос Никиты к середине повести начинает надоедать.

Впрочем, удивляться тут не надо: рассказчик Е. Чернов в данном случае осваивает иной жанр, в котором само эпическое начало предполагает движение, развитие характера. И, естественно, иного рода художественную аргументацию. Вот почему, отдавая должное интересной и самостоятельной прозе Е. Чернова, закрываешь его книги с пониманием того, что автор еще экспериментирует, пробует, ищет. И, будем надеяться, найдет.

Е. ЖОГОЛЕВ.

* Е. Чернов. «Этот высокий девятый этаж». Куйбышевское книжное издательство. 1980. Е. Чернов «День до обеда». «Современник». 1980. Е. Чернов. «Вода течущая». Повесть. Журнал «Волга» № 6, 1980.